

НИКИТА ФЕДОСОВ

# КАЗАЧЕСТВО И НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

В «Вопросах национализма» (№ 11 за 2012 г.) была опубликована статья Николая Лысенко «Нация или субэтнос. Размышления об этногенетической природе казачества»<sup>1</sup>. Статья сама по себе не имеет научного значения. Однако она является характерным для современной гуманитарной науки (автор статьи доктор исторических наук) примером пустого идеологизаторства и вопиющего непрофессионализма, а в контексте российского политического дискурса — обобщением расхожих штампов и стереотипов, присущих современному казачьему самостийничеству, противопоставляющему себя русской нации.

Начнём с проблемы возникновения казачества. Автор намекает то на каких-то скифов, то на предков казаков в XIII в. Всё это крайне туманно. И даже не совсем понятно, что имеется в виду. Потом следует утверждение, что в XVI в. казачий этнос уже сложился<sup>2</sup>. На самом деле в XVI в. вольные казачьи сообщества представляли собой воинские мужские союзы, в которых не было женщин либо их было там крайне мало, и они находились там в качестве пленниц, которых в любой момент могли продать. Однополый этнос, однако... Размножался, видимо, посредством почкования. Тут автор статьи производит настоящий

научный прорыв. Но, скорее, в биологии...

В том же ключе выдержаны и неумелые потуги превратить в самостоятельный этнос запорожских казаков. Автор изо всех сил пытался оторвать их от украинского народа, показать их полную этническую самостоятельность<sup>3</sup>. Опять-таки перед нами этнос, лишенный женщин (!). Как, интересно, он пополнялся? Конечно, не только за счёт украинцев, но и за счёт многих соседних восточноевропейских народов. И не только восточноевропейских. Но украинцы всё же решительно преобладали над всеми. Тесная связь Запорожья и Украины хорошо показана в работах В. Брехуненко<sup>4</sup> (хотя последний и преувеличивает её).

Запорожье действительно было общностью, отчасти противопоставлявший себя Украине. Но это было социально-психологическое противопоставление воинского мужского союза «большому» обществу. Недаром многие лидеры украинского гетманата и сами гетманы мечтали ликвидировать Сечь как источник антигосударственной вольницы, криминала и политического «левачества». Однако в этом противостоянии не было ничего этнического. То же самое касается и донских казаков, чей состав пополнялся за счёт крестьян

<sup>1</sup> Лысенко Н. Нация или субэтнос. Размышления об этногенетической природе казачества // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 111–134.

<sup>2</sup> Там же. С. 118–119.

<sup>3</sup> Там же. С. 124.

<sup>4</sup> Брехуненко В. Козаки на степовому кордоні Європи: Типологія козацких спільнот XV — першої половини XVII ст. Київ, 2011.

южнорусских территорий. Во второй половине XVII в. этот процесс принял массовый и стихийный характер. Факт бесспорный и основывается на гигантском массиве архивных документов, обобщенных в ряде фундаментальных трудов по истории донского казачества этого периода (см. работы С.Г. Сватикова, Н.А. Мининкова, В.Ф. Мамонова, Н.И. Никитина, И.О. Тюменцева, В.Г. Дружинина и др.).

Н. Лысенко допускает очень важную ошибку. Социально-психологические различия он принимает за этнические<sup>5</sup>. Но в любом достаточно развитом народе они очень велики. Существуют весьма непохожие друг на друга социальные группы. Особенно это касается великорусского народа, крайне мозаичного и внутренне неоднородного. В своё время заметно отличались от основной массы населения русские дворяне. В более поздний период — профессиональные уголовники. И те, и другие имели очень развитое самосознание, чувство своей обособленности от остальных русских. Вели отличный от основной массы образ жизни. Подчёркивались даже языковые отличия. Дворяне пользовались для этого европейскими языками, уголовники — «блатной феней». Однако никто всерьёз не утверждает, что уголовники и дворяне — особые этносы.

Где же истоки возникновения обособленных казачьих сообществ? Существуют разные более или менее научные версии.

\* \* \*

Есть предположение, что первыми казаками стали служилые люди, отстаивавшие свои древние феодальные привилегии и вольности (самоуправление, свободу выбора сюзерена и пр.). Свою роль для них сыграл и пример духовно-рыцарских орденов, сражав-

шихся с иноверцами во славу христианства<sup>6</sup>.

Пишут и о русских промысловиках: охотниках, рыболовах, сокольниках, ловцах пушных зверей, которые постепенно спускались всё ниже по течению великих степных рек, текущих на юг. Их становилось всё больше, они с течением времени отделялись от метрополии и переходили к набеговому промыслу, одновременно активно самоорганизовываясь до уровня войск<sup>7</sup>.

Недавно сетевые публицисты, пишущие на казачью тему, стали выдвигать и другие версии. Например, о том, что казаки XVI–XVII вв. были носителями древнерусского мировоззрения, являя собой осколок прошлого, когда Русь делилась на отдельные независимые «земли», обладавшие и собственной политической организацией, и субэтническим самосознанием. Поэтому казаки относились к России примерно как новгородцы к Московскому княжеству<sup>8</sup>.

Существует мнение, что казачество и подобные ему образования возникают по причине политического вакуума. Наподобие того, который возник в западных степях Евразии после крушения Золотой Орды. Появляется «серая зона», обширная и безвластная, которую не могли освоить соперничавшие соседние державы, но которая граничила с богатыми и цивилизованными

<sup>6</sup> *Флоря Б.Н.* Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20–30-х годов XVII века и на начальном этапе народно-освободительной войны // *Славяноведение*. 2002. № 2. С. 45; *Скальковский А.* История Новой Сечи и последнего коша запорожского. Одесса, 1841. С. 40–41.

<sup>7</sup> *Михайлова И.* «Бобровники, сокольники, подлазники...» Как жили промысловые слуги князя в XIV–XV вв. // *Родина*. 1997. № 5. С. 31–32; *Саатчан Р.* Русское поле // *Родина*. 1996. № 2. С. 49.

<sup>8</sup> Напр.: *Резниченко С.* Суть казачества // [www.apn.ru](http://www.apn.ru) (02.07.2012).

регионами и торговыми путями. И в такой «серой зоне» не могли не сформироваться воинственные, склонные к набеговому промыслу сообщества, наподобие казаков, ускоков или флибустьеров<sup>9</sup>.

Скорее всего, каждая из этих версий по-своему отражает историческую реальность. Во всяком случае, результат налицо. **Было создано казачество. Один из самых успешных видов самоорганизации русского народа.**

Этого Н. Лысенко не понимает. Он начисто игнорирует такой важный исторический источник, как «Слово об азовском осадном сидении донских казаков», где абсолютно ясно постулируется русская национальная идентичность донцов. Утверждение Лысенко, что «во всех источниках по истории Руси-России XIV–XVII веков мы не найдем упоминаний казаков в контексте “русскости”»<sup>10</sup>, просто показывает, что он с этими источниками не знаком.

Казачий историк, автор фундаментального труда «Россия и Дон» С.Г. Сватиков, которого трудно упрекнуть в предвзятости к казачеству, основываясь на обилии документов, писал: «Казаки с первых же моментов своей истории характеризуются высоким чувством русского национального самосознания. Неоднократно находим мы в исторических актах свидетельства этому: они “природу свою (т. е. русское происхождение) всегда помнят”, знают всегда свое “общее отечество”»<sup>11</sup>. Тот же автор писал, что принадлежность к казачеству вплоть до начала XVIII в. не являлась наследственной привилегией, и гражданство каждого новоиспеченного боеспособ-

ного казака должно было подтверждаться решением войскового круга. Казаком мог стать любой русский, разделяющий интересы и установки казачьего братства и полезный Войску<sup>12</sup>.

В непростых, а подчас очень тяжелых природных и геополитических условиях казаки создали чрезвычайно привлекательное общество. Которое было свободным, демократичным, достаточно эффективно самоуправлявшимся. Благодаря чему казачество стало привлекательным не только для соотечественников (русских/украинцев), но и для представителей самых разных этносов. В том числе и враждебных восточным славянам. (Хотя последние всегда преобладали.) Следствием всего этого стали блестящие военные победы, одержанные над гораздо более сильным противником. Взять хотя бы то же Азовское осаждение.

Казачьи субэтнотопосы начали складываться только в XVIII–XIX вв., после подчинения государством казачеств, превращения их из вольных в служилые. Они оформились благодаря особому сословному и юридическому статусу, сословной организации, особым правам и обязанностям, специфическому землевладению, относительной замкнутости. Все эти привилегии были даны казакам Империей, которая в течение XVIII в. имела все возможности, чтобы свести казачество с исторической арены и отправить его в небытие. Вспомним карательные меры Петра I на Дону в ходе подавления Булавинского восстания, разгон Сечи Екатериной II.

Однако военно-политические успехи Российского государства опередили социально-экономическое развитие. И оно не смогло обойтись без дешевых самообеспечивающихся иррегулярных войск на границах. А казаки располагали эффективными механизмами жизни и адаптации в этих условиях.

<sup>9</sup> *Bracewell C.W. The Uskoks of Cenj: Piracy, Banditry and Holy War in the Sixteenth-century Adriatic. Itaca. N.Y., 1992.*

<sup>10</sup> *Лысенко Н. Указ. соч. С. 119.*

<sup>11</sup> *Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование о истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Б. м., 1924. С. 23.*

<sup>12</sup> Там же. С. 36.

Хотя вольноказачий уклад жизни переживал в момент «огосударствления» системный кризис, с помощью правительственных мер он был преодолен.

Большое значение для формирования казачьих субэтносов имело российское законодательство, государственная политика. Тем более что громадное количество казаков происходило отнюдь не от казаков. На Кубани большинство черноморцев были потомками не запорожцев, а украинских крестьян. Многие другие станицы заселялись преимущественно отставными солдатами Кавказской армии или простыми крестьянами южнорусских и восточнукраинских губерний. Поэтому до сих пор можно считать дискуссионным вопрос о субэтничности кубанского казачества, процесс формирования которого как единого этнокультурного организма был прерван после Гражданской войны.

Вопреки велеречивым рассуждениям Лысенко, государству порой приходилось буквально делать казаков казаками<sup>13</sup>, применяя иногда жесткие меры. Так, например, «делали казаками» бывших украинских крестьян — черноморцев в 20–40-х годах XIX в. Подтягивали дисциплину, запрещали откупаться от службы, боролись с чрезмерными захватами земли со стороны богатеев. И всё это мерами административного диктата, во многом благодаря которому к концу двадцатилетия крестьяне стали воинами и смогли эффективно противостоять черкесам. Хотя, разумеется, без насущной необходимости защищать свою жизнь и имущество от горцев правительственные меры не были бы успешными...

Совсем другое дело, конечно, терские гребенцы. Древняя и замкнутая казачья группа со своими специфическими устоями. Также к подобной категории можно отнести ядро Уральского войска со станицами, располагающимися вдоль берега р. Урала (Яика).

Но опять же, эти группы в позднее время являлись лишь частью, меньшей по численности, Терского и Уральского казачьих войск, пополнявшихся также за счет крестьянского элемента. Колонизационные процессы в этих казачьих регионах, как и на Кубани, полностью регулировались государством.

Таким образом, несмотря на одинаковый в целом сословный статус, казачьи субэтносы являлись внутренне неоднородными. Одним казакам, даже в рамках одной группы, было в большей степени присуще субэтническое самосознание, другим — сословное.

При этом сохранялись некоторые важнейшие социальные и ментальные установки казачества, присущие ему ещё в «вольный» период. Пусть и в сильно изменённом и урезанном виде. Это казачье самоуправление и самоорганизация (сведённое к местному уровню). И представление о свободном и привилегированном статусе казака (ослуживленное и огосударственное).

\* \* \*

К началу XX в. казачество находилось уже в глубоком системном кризисе. Постепенно ухудшалось экономическое положение, нарастало социальное расслоение. И бедные, и богатые казаки всё меньше были довольны переделочно-паевой системой станичного землевладения. Тяготила и государственная регламентация казачьего быта. Особенно поголовная военная служба за свой счёт, необходимость держать строевого коня и пр.

«Казачий адат», так активно прославляемый Лысенко, также постепенно деградировал<sup>14</sup>. Параллельно с «адатами» других групп русских. Некоторые в этом «обгоняли» казаков, другие «обгоняли» казаки.

Разлагалась система общественной и личной нравственности. Слабели семейные устои, общинная солидарность. Под влиянием длительной мир-

<sup>13</sup> Лысенко Н. Указ. соч. С. 121–124.

<sup>14</sup> Лысенко Н. Указ. соч. С. 122.

ной жизни исчезали воинские традиции, несмотря на попытки «сверху» их поддержать. Всё больше казаков тяготилось своим казачьим статусом. Особенно те, кто стремился заниматься бизнесом, свободными профессиями.

Словом, в казачьей среде имели место все те тенденции, которые были характерны для «старых» сословных групп Российской империи, таких как крестьяне и дворяне: размывание сословных ценностей и самоорганизации, стремление слиться с развивающимися городскими социальными группами — буржуазией и интеллигенцией. С достаточно большой долей уверенности можно говорить, что со снижением значения иррегулярных армий в войнах и развитием капиталистического общества казачество было обречено на ассимиляцию и полную интеграцию в структуру буржуазного общества. Этот процесс был прерван событиями 1917 г.

С другой стороны, существовали условия, замедлявшие расказачивание. Благодаря субэтнической составляющей казачью идентичность могли сохранять и «лица свободных профессий», порвавшие с традиционным сословным укладом жизни. Система наделения землёй за службу, связанные с нею принципы материального обеспечения и ментальные установки замедляли отток казаков в города. Поэтому к началу революции казачество ещё не исчерпало запаса прочности. И было уничтожено насильственно. Хотя отдельные элементы казачьей традиции, относительно полноценные её носители жили и во второй половине XX в.

В событиях революции и Гражданской войны казаки не проявили того единства, которое воспевают Лысенко<sup>15</sup>. Как известно, они первоначально вообще не хотели участвовать ни в чём, в том числе и в защите своей территории. И проявили свой «казачий нор» только тогда, когда большевики по-

сняли на основные казачьи права и привилегии и появилась угроза потери земли.

Как бойцы, казаки проявили себя в Гражданскую на высоком уровне. Но ни политического, ни мировоззренческого единства среди них не наблюдалось. Среди казаков были белые и красные (хотя белых — в целом больше). Что касается антибольшевистской части казачества, то она демонстрировала крайнюю неоднородность. Очень многие казаки ощущали себя полноценными русскими, были сторонниками имперской, государственной идеи. Такое самовосприятие было особенно распространено среди офицерства. Но не только. Прорусскую, антисепаратистскую позицию заняли линейные казаки — жители восточных районов Кубани. Такую же позицию занимал и известный «белый партизан» генерал Шкуро, очень популярный среди казаков. Хотя он и был по происхождению черноморцем.

Однако значительный вес в кубанском законодательном органе — Раде имели черноморские самостийники, такие как А. Быч, Н. Рябовол и другие сторонники независимости Кубани и украинофильства. Считать кубанцев вполне самостоятельным народом многие из них не решались. Предпочитали украинскую идентичность. Для самостийников было характерно политическое интриганство и неспособность работать<sup>16</sup>. Они вполне могли послать свою делегацию на Парижскую мирную конференцию, заключить договор с горскими националистами, предав при этом братьев-терцев, могли начать сепаратные переговоры с большевиками. Как это и сделали левые кубанские сепаратисты на завершающем этапе Гражданской войны<sup>17</sup>. Зато, погряз-

<sup>15</sup> Лысенко Н. Указ. соч. С. 117.

<sup>16</sup> Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Краснодар, 1996.

<sup>17</sup> Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Краснодар, 2008. С. 31.

нув в словопрениях и интригах, самостийники не могли принять кубанский бюджет, о чём их тщетно просил наиболее дельный и достойный собрат — Ф.А. Щербина.

Кубанская Рада ещё много чего не смогла. Например, наладить снабжение населения товарами первой необходимости. Жители станицы Кавказской выразили по этому поводу резкое недовольство своему парламенту. Станичники жаловались, что вынуждены ходить по снегу босиком. За это «народные избранники» обвинили их в... монархизме! (Монархизм вообще был параноидальным жупелом для этой публики.)

И в эмиграции казаки так и не смогли определиться, кто они. Например, вольноказакиицы, сторонники Гната Билого, постоянно выясняли отношения с последним кубанским атаманом В.Г. Науменко, занимавшим прорусские позиции. (Бесконечные споры и дискуссии, неспособность определиться с идентичностью вообще характерны для субэтносов.)

\*\*\*

Н. Лысенко пишет, что русским националистам надо «вести переговоры» с «казачьим народом», якобы таким сильным и «сохранившим традиции»<sup>18</sup>. Что касается реального уклада жизни, то у современных потомков казаков он ничем не отличается от такового у русских. Все те же недостатки. То же забвение корней и традиций. У реальных потомков казаков, особенно пожилых людей, попытки «ряженных» демонстрировать свою псевдоказачью самость вызывают в лучшем случае иронию, а обычно раздражение.

Количество людей, пишущих себя во время переписи «казаками», неуклонно падает. В 2002 г. на Кубани таких было около семнадцати тысяч. По данным 2010 г. — около пяти. И это

в пятимиллионном регионе! Несмотря на призывы писаться казаками некоторых уважаемых и известных людей. Идентичность, лишённая какого-либо реального наполнения, никому не нужна.

Все ссылки нынешних самостийников на «давление властей» попросту смехотворны. Казачество еле-еле теплится, в основном благодаря поддержке этих самых властей.

События в Чечне 90-х гг. и современная ситуация на Кавказе показывает, что казачество не представляет никакой реальной силы. И самостоятельно ни с кем бороться не может.

Во время Гражданской войны терцы самостоятельно давали отпор террору сепаратистов. И порой весьма успешный. Во время дудаевщины организованного сопротивления не было. А вот бытовой пример из жизни терцев 90-х гг. Одному нереестровому атаману приходилось много ездить по делам своей организации. И решать отнюдь не свои проблемы. Атаман был честен и беден. Все деньги уходили на бензин. Он попросил «братьев-казаков» помочь с оплатой поездок. Никто не дал ни копейки. Пришлось атаману оставить общественную деятельность. Чтобы семью кормить.

С кем вести переговоры? С плохо нарисованной голограммой «великого пассионарного народа»?

Конечно, существуют отдельные весьма достойные казачьи общины. Которые, например, организуют на местном уровне отпор этническому криминалу. Об этом говорят события в Новоалександровске, Зеленокумске (Ставрополье) и Ремонтном (Ростовская область). Иногда казаки приезжают на подмогу своим собратьям из других населённых пунктов и даже регионов. Но это не скоординированные, последовательные и целенаправленные действия крупных организаций (и тем более — отоброилизованных этносов). Это местные, ситуативные проявления самоорганизации. И частные

проявления солидарности с этими инициативами.

Всё это имеет место быть (на столь же скромном местном и частном уровне) и у далёкой от казачества части великороссов. Широко известно успешное отражение нападения банды на уральский посёлок Сагра. Прогрел на всю страну отпор этническому криминалу в подмосковном Хотькове. В одном из саратовских посёлков мигрантом-уголовником была изнасилована местная девушка. Преступника покрывали соплеменники. На помощь местным жителям приехало несколько сотен байкеров и автолюбителей. Можно вспомнить и вызволение байкерами из рук чеченцев московского журналиста Панченко. (Вообще было бы, наверное, неплохо «укрепить» казачьи организации байкерами и фанатами. Глядишь, прибавится в них «истинно казачьего духа» и пассионарности.)

Есть ли у казаков своя субэтническая правозащита? Нет. А «обычные» великороссы её создали. Это организации «Русский вердикт», Правозащитный центр РОД. Которым, к сожалению, оказывается далеко не достаточная поддержка со стороны защищаемого народа.

Низкий мобилизационный уровень «широких масс» — одинаковая беда как для «субэтнических русских», так и для обычных.

И если казачество хочет просто выжить, оно должно стараться объединять вокруг себя российских славян. Особенно в традиционных казачьих регионах. Как это делали казаки с момента появления на исторической сцене. Казаки защищали остальной русский народ. А русский народ — казаков. (Например, казаки совместно с регулярными войсками держали Кавказскую линию. И трудно сказать, кто для кого был более ценен...) Казачество всегда пополнялось русскими людьми. И вольное казачество, и служилое казачество Российской импе-

рии. Без этого притока оно утратило бы жизнеспособность.

Конечно же имеются в виду немногочисленные полноценные, а не «парадные» казачьи общины. И точно такие же прочие славянские организации. Казаки и неказики, способные к реальной работе на общее благо. Любителей поболтать и попилить бюджет и так слишком много. И в казачьей среде, и за её пределами.

Казачьи самостийники любят, противопоставляя себя русским, ассоциировать себя с гордыми горными и степными народами. В начале XX в. действительно были калмыки-казакоманы. И близкие к ним осетины казачьего сословия. А сейчас нет и этого. Имеет место лишь не слишком действенная солидарность дагестанских терцев с частью местных ногайцев. Та же не слишком эффективная солидарность существовала в 90-е гг. между казаками и черкесами в Карачаево-Черкесии. Пожалуй, и всё. Сейчас казачество слабо, и малые народы к нему не тянутся. А зачем? Объединяться можно только с «кацапами». С которыми казаки — единый народ и исторически находятся «в одной лодке».

Поэтому отгораживаться от соотечественников в рамках придуманной «казачьей нации» значит обрекать казачество на уничтожение. Когда террористы режут славян на Кавказе, они не различают казаков и неказиков.

\* \* \*

В статье Лысенко ещё немало откровенных нелепостей. Помимо того, что автор не видит реальных этнокультурных различий между казачествами (он постулирует монолитное единство казаков, при этом всерьёз претендуя на компетентность в вопросах этнологии), демонстрирует незнание реальных исторических источников, апеллируя к вторичным для истории казачества трудам, фальсификациям (Е.П. Савельева, И.Ф. Быкадорова) и художественной литературе, дает рус-

ским рецепты по изобретению некоего единого обряда (!), вдохновляясь, вероятно, опытом Северной Кореи.

Апофеоз абсурда — сравнительная таблица «императивов», реализуемых у русских и казаков. В ней, например, показывается, что русским испокон веков присущ феминизм (!), а казак, даже современный, хочет жить на глухом хуторе вдвоём с конём. Казакам приписывается склонность к авантюризму и неспособность к систематическому и монотонному труду<sup>19</sup>. Это является клеветой на казачество.

Хотя еще большей клеветой и оскорблением являются рассуждения автора о русском народе как о неполноценном, «некоем этнически навсегда умер-

шем зомби» или «черной дыре» (к подобным формулировкам В.Д. Соловей, насколько я помню, не прибегал).

То, что Н. Лысенко является носителем научных степеней и академических званий, — факт печальный. Он отражает общий процесс деградации исторической науки, подмену ее дешевой мифологией и беллетристикой.

Для меня также является несомненным, что любой, считающий себя казак, но при этом постулирующий казачество как самостоятельный этнос, является — сознательным или бессознательным — врагом русской нации, работающим на ее раскол. И одновременно — на уничтожение казачества, которое он обрекает на изоляцию, отсутствие помощи и поддержки в чрезвычайно опасной ситуации.

---

<sup>19</sup> Там же. С. 124, 132–133.

---

---

## **Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу великого русского мыслителя Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).